

- [«Аще забуду тебе, Иерусалиме»](#)
 - [Великий Пост, изгнание наше](#)
 - [Человек наизнанку1](#)
 - [Философия абсурда](#)
 - [Как понять абсурд](#)
 - [Ницше и откровение абсурда](#)
 - [Учение о бессмертии](#)
 - [Гуманизм и идеология абсурда](#)
 - [«Будете яко бози» \(Быт.3:5\)](#)
 - [Идеология абсурда и культ собственной личности](#)
 - [Нужно снова стать христианами](#)
 - [Устав](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-
-

Введение

Содержание

«Аще забуду тебе, Иерусалиме»

Великий Пост, изгнание наше

«На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона» ([Пс.136:1](#)).

Эти слова великопостного псалма напоминают нам, православным христианам, Новому Израилю, о нашем изгнании. Для русских, исторгнутых со Святой Руси, псалом этот имеет особый смысл; но и для всех православных в равной мере земная жизнь есть изгнание, а Небо — желанное отечество.

Великий пост установлен для нас Матерью-Церковью как период изгнания, чтобы не ослабла наша память о Сионе, от которого мы уклонились так далеко. Мы заслужили это изгнание, и по грехам нашим остро нуждаемся в нем. Только через скорби изгнания, о коих напоминают нам пост, молитва и покаяние нынешних дней, способны мы сохранить в себе образ Сиона.

«Аще забуду тебе, Иерусалиме...» ([Пс.136:5](#)).

Бессильные и беспамятные, мы даже в дни Великого Поста живем так, словно Иерусалима никогда не было. Мы влюблены в наш мир, наш Вавилон; мы соблазнены обилием удовольствий «на земли чуждей» и пренебрегаем службами и поучениями Церкви, напоминающими нам об истинном отечестве. Хуже того, мы любим самих наших порабощителей — ведь грехи держат нас крепче всякой стражи — и служа им, мы тратим драгоценные дни Поста, когда следует готовиться ко встрече Зари Нового Иерусалима, Воскресения Господа нашего Иисуса Христа.

Еще есть время; нужно только вспомнить, где наш дом, и заплакать о наших грехах, за которые мы изгнаны оттуда. Подумаем над словами Св. Иоанна Лествичника: «Изгнанничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом. Изгнанник есть любитель и делатель непрестанного плача». Изгнанные некогда из Рая, мы не можем иметь надежды на возвращение, не будучи прежде изгнаны из мира.

Этого можно достичь, проводя текущие дни в посте, в молитве, в удалении от мирских дел, в церковных службах, в слезах покаяния, в приготовлении к великому Празднику, завершающему нынешний период изгнания, — и свидетельствуя всем на этой «земли чуждей» о грядущем величайшем Празднике, когда Господь возвратит Свой народ в Новый вечный Иерусалим, из которого уже нет изгнания.

(из книги «Небесный удел»)

Философия абсурда

Нынешний век недаром называют веком абсурда. Поэты и драматурги, живописцы и скульпторы изображают наш мир бессвязным хаосом, а нас самих — бездушными хаотическими частицами. Политика, независимо от направления и оттенка, стала всего лишь ширмой, временно придающей вселенскому развалу жалкое подобие порядка. Борцов за мир и проповедников насилия объединяет абсурдная уверенность, что человечество способно исправить невыносимое положение своими собственными жалкими силами и губительными средствами. Серьезные философы, ученые, государственные и религиозные деятели, либо молчат, прячась за безответственными масками специализации и бюрократии, либо, рассуждая о нашем неустройстве, рекомендуют нам такие убеждения как обветшалый оптимизм «веры в человека», безнадежный стоицизм, иррационализм слепого поиска, или же просто «убеждения» как таковые, самоубийственную веру «во что бы то ни было».

Однако искусство, политика и философия суть всего лишь отражения современности; они абсурдны постольку, поскольку абсурдной стала сама жизнь. У всех в памяти самый страшный пример реального абсурда — гитлеровский «новый порядок», когда свиду вполне нормальный, цивилизованный человек, умелый и тонкий исполнитель музыки Баха (как Гимлер), мог быть в то же время хладнокровным убийцею миллионов, и чередовать инспекции лагерей уничтожения с концертами и художественными выставками. Да и сам Гитлер был воплощенным абсурдом: он взмыл из небытия к мировому господству и канул обратно в небытие за десять с чем-то лет, оставив за собой лишь обломки цивилизации, благодаря одному тому, что он, пустейший из людей, олицетворял пустоту своих современников.

Гитлеровский сюрреализм остался позади, но эпоха абсурда отнюдь не миновала. Мир просто вступил в новую фазу той же самой болезни, до поры не столь бурную. Ясней, чем фашистское евангелие гибели, свидетельствует о нашем нигилизме и растерянности наше новейшее оружие; парализованные невиданным внешним могуществом и внутренним бессилием, мы беспомощны под его грозной сенью. Тем временем неимущие и «угнетенные» всего мира пробуждаются к самосознанию и начинают требовать богатства и власти; имущие же прожигают жизнь в суете, или гибнут от разочарования и скуки, или совершают отчаянные преступления. Кажется, мир раскололся надвое: одни ведут бессмысленную и бесцельную жизнь, не сознавая этого, а другие вполне осознанно идут к безумию и самоубийству.

Нет нужды продолжать список очевидных и типичных примеров. Достаточно сказать, что даже самые вопиющие из них — не более, чем симптомы одной и той же болезни, которая окружает нас на каждом шагу и проникает в самое сердце, если не знать как с нею бороться. Мы живем в эпоху абсурда, когда несовместимые начала сосуществуют бок о бок в пределах одной человеческой души; когда ни в чем не видно смысла; когда исчез цементирующий центр, и мир разваливается по частям. И пусть будни, хоть и в лихорадочной спешке, все же катятся своей чередой, и нам удастся жить-поживать как ни в чем не бывало: это возможно лишь потому, что мы не думаем или не хотим задуматься. И недаром — обстановка вокруг не из приятных. Но только тот, кто думает, кто хочет понять подлинный ход вещей под пестрым покровом будней, — только тот способен найти себе хоть какое-то место в этом странном сегодняшнем мире, обнаружить в нем хоть какую-то «норму».

Но наша эпоха не нормальна; поэты, художники и мыслители современного «авангарда», несмотря на все их преувеличения и заблуждения, на нелогичность их аргументов, на вычурность их мировоззрения, правы по крайней мере в одном: с нашим миром происходит что-то угрожающее. Таков первый урок философии абсурда.

Как понять абсурд

Склонность к абсурду в значительной мере характеризует духовное состояние нашего современника; можно узнать много интересного, если суметь разобраться в абсурде. Но тут мы сталкиваемся с очень серьезной трудностью, не преодолев которую мы не сумеем даже начать разговор. Возможно ли в принципе его понять? Становясь предметом изучения, по самой природе своей, абсурд оказывается легкой добычей небрежности и зауми. В этом повинны не только художники, черпающие в нем вдохновение, но и серьезные исследователи, пытающиеся понять и объяснить его. Создается впечатление, что в большинстве работ о современном «экзистенциализме», изобразительном и театральном искусстве, разум и логика совершенно отброшены, а критические стандарты подменены неопределенным «сочувствием», «причастностью» и вне-логическими доводами о «духе времени», «творческом импульсе» и «осознании»; однако это вовсе не доводы, а в лучшем случае — просто размышления, в худшем же — пустословие. Следуя таким путем, мы, быть может, сумеем лучше «оценить» искусство абсурда, но уж никак не понять его. И действительно, абсурд невозможно понять изнутри, пользуясь его собственными средствами; ведь понимание есть нахождение смысла, а смысл и абсурд несовместимы.

Стало быть, если мы хотим понять абсурд, мы должны выбрать точку зрения вовне, дающую смысл самому «пониманию». Только так можно пробраться сквозь дымовую завесу, в которой скрывается абсурд, защищаясь от разумного и последовательного наступления собственными контратаками на логику и разум. Короче говоря, нужно открыто исповедовать веру, противоположную абсурдной, и истину, отрицаемую абсурдом в принципе. Ниже мы увидим, как философия абсурда невольно свидетельствует об этой вере и истине, которые, скажем со всей ясностью, открываются нам в христианстве.

Ведь философия абсурда — не новость; она состоит в отрицании, и от начала до конца определяется тем, что именно подлежит отрицанию. Абсурдное возможно лишь по отношению к чему-либо НЕабсурдному; идея о мировой бессмыслице может прийти в голову только тому, кто веровал в смысл бытия, и в ком вера эта не умерла. Философию абсурда нельзя понять в отрыве от ее христианских корней.

Христианство по существу есть высшее согласие, потому, что Господь Бог, в Ком начало и конец всякого творения, устроил всю вселенную, согласовал все ее части и Самого Себя в ней; всякий христианин, хранящий истинную веру, неизменно видит это согласие вокруг себя и в себе самом. Для исповедующего абсурд все распадается на части, включая его собственную сиюминутную философию; для исповедующего христианство все собрано воедино и согласовано, включая и то, что беспорядочно само по себе. Абсурд с его хаосом оказывается элементом более общей и согласованной картины; если бы это было не так, вряд ли стоило бы о нем говорить.

Другое препятствие на подходах к абсурду состоит в неточности некоторых употребляемых нами понятий. Если мы хотим разобраться в вопросе, мы не можем попросту объявить абсурд противоречием и заблуждением: хотя так оно и есть, но этим он далеко не исчерпывается. Серьезный философ конечно не станет рассматривать его претензий на истину: философия абсурда, с какой стороны к ней не подойди, противоречит сама себе. Чтобы утверждать всеобщую бессмысленность, нужно вкладывать какой-то смысл в саму эту фразу, чем отрицается исходное положение; когда говорят «истины нет», подразумевают истинность этого высказывания, снова себе противореча. Совершенно ясно, что философия абсурда на самом деле никакая не философия; ее тезисы нельзя воспринимать без известной доли воображения и

субъективизма. Как мы увидим ниже, она вообще порождена не столько разумом, сколько волей.

Ницше и откровение абсурда

Хотя современное искусство дает нам множество примеров неявного влияния философии абсурда, в работах Ницше она обнаруживается совершенно явно: нужно лишь суметь различить ее. Ницшеанский нигилизм — это тот самый корень, из которого выросло все дерево абсурда. И если Ницше представляет нам саму философию абсурда, то о непредвиденных им зловещих последствиях предупреждает нас его старший современник Достоевский: Ницше был слеп к свету Христовой правды, которая одна способна противостоять абсурдному мировоззрению. Достоевский и Ницше, жившие на рубеже двух миров — умирающего разумного мира Христовой правды, и нового, безумного мира, где этой правде места нет — дают читателю практически все ключи к пониманию абсурдного.

Откровение абсурда после длительного скрытого созревания прорвалось наружу в двух весьма часто цитируемых афоризмах Ницше: «Бог умер», т. е. вера в Бога умерла в наших сердцах, и «истины нет», т. е. мы отказались от богооткровенной истины, на которой когда-то была воздвигнута европейская цивилизация, отказались потому, что потеряли доверие к ней. Оба утверждения совершенно справедливы, применительно к тому, во что со времен Ницше превратилось подавляющее большинство христиан. Это относится к атеистам и сатанистам, открыто и с радостью заявляющих о своем безверии и отвержении истины; в равной мере относится это и к массам обычных людей, попросту утративших способность к восприятию духовного мира, в чем бы эта утрата не выражалась — в безразличии ли к духовной реальности, в столь обычной ныне душевной растерянности и распушенности, или же в той или иной форме псевдо-религии, которая лишь маскирует безразличие и растерянность. И даже на тех, кто, оставаясь в меньшинстве и неуклонно убывая в численности, продолжают исповедовать веру и внутренне, и наружно, для кого мир иной более реален, нежели мир сей — даже на них пала тень этой «смерти Бога», затмив и исказив окружающее.

Ницше в «Воле к власти» дает лаконичное определение нигилизма:

«Что значит нигилизм? — Что высшие ценности теряют цену.

Что цели нет. Что нет ответа на вопрос 'Почему?'».

Короче говоря, все ставится под сомнение. Замечательное постоянство, с которым Отцы Церкви, святые, да и все истинно верующие поверяют у Бога все происходящее внутри них или вовне, усматривают в Нем начало и смысл всякой вещи, видят во всем Его волю — это постоянство и вера, соединявшая некогда человека, общество и весь мир, утеряны нами, и если прежде мы умели найти ответ на наши вопросы у Самого Бога, то теперь они остаются для большинства из нас без ответа.

Разумеется, помимо христианства существуют иные выражения всеобщего смысла и порядка, и иные формы их распада, помимо нигилизма и идеологии абсурда. Эти учения утверждают или, соответственно, отрицают смысл жизни, но лишь в известных границах. Например, последователю традиционной индийской или китайской философии в какой-то мере открыта истина и внутренний мир, из нее происходящий, — но не вся истина, и не тот «мир Божий, превосходяй всяк ум» ([Флп.4:7](#)), плод одной лишь абсолютной истины. Отступающий от этой относительной истины и частичного мира теряет многое, но еще не все, как отступник христианин. Потому-то и царит невиданная прежде растерянность в нашем сердце, что мы отступили от закона и истины, открытых нам полностью в самом Христе. Только Бог христианской веры есть одновременно все могущество и вся любовь; только Он завещает нам бессмертие Своей любовью, и, во исполнение завета, Своим могуществом уготовляет нам Царство, где мы можем быть с Ним, в образе Божиим, по воскресении из мертвых. И столь

недоступен этот Бог и Его завет земному нашему пониманию, что веровавший в Него и отвергнувший Его уже не способен более верить ни во что мало-мальски серьезное. Мир, потерявший такого Бога, и человек, утративший такую надежду, на взгляд претерпевших подобное разочарование, в самом деле вполне абсурдны.

Две фразы — «Бог умер» и «истины нет» — значат в точности одно и то же; это откровения об абсолютной абсурдности мира, в центре которого вместо Бога оказалось ничто. И как раз тут, при основании идеологии абсурда, всего яснее видна его зависимость от отвергаемого им христианства. Христианское учение о «creatio ex nihilo» — о сотворении Богом вселенной не из Себя Самого, не из какой-то прежде существовавшей материи, а из ничего — вызывает, пожалуй, наибольший протест у сторонних критиков. Проповедники же абсурда неосознанно свидетельствуют в пользу этого учения, выворачивая его наизнанку и пародируя его, пытаясь по существу аннигилировать сотворенный мир, вернуть его в то самое состояние небытия, откуда его некогда воззвал Бог. Об этом говорит их тезис о пустоте в центре всех вещей, и подразумеваемая ими в той или иной мере мысль, что нам и нашему миру лучше бы вовсе не существовать. Но наиболее четкую форму эта попытка аннигиляции, эта Бездна в самом сердце идеологии абсурда, принимает в атмосфере абсурдного искусства.

Те, кого можно назвать просто атеистами, — Хэмингуэй, Камю, и многие художники, которые не видят дальше никчемности человеческой жизни в нашем сегодняшнем ее понимании, не стремятся дальше некоего стоицизма, готовности принять неизбежное, — говорят нам о пустоте через чувство скуки, тоски, хотя и тяжелой, но все же переносимой, и вообще через ощущение, что «ничего не может случиться». Но есть и другой тип искусства абсурда, в котором нам открывается гораздо больше: здесь к чувству пустоты добавляются элементы неведомого, ожидания какого-то ужаса, ощущения, что в мире абсурда, где «ничего не может случиться», в то же время «все возможно». В этом искусстве действительность становится кошмаром, и мир превращается в далекую планету, где блуждают люди, не столь безнадежные, сколь растерянные, не уверенные ни в том, где они находятся, ни что их ждет, ни кто они такие — ни в чем, кроме Божьего небытия. Таков странный мир Кафки, Ионеско, в несколько меньшей мере — Беккета, некоторых авангардистских фильмов, как «Прошлый год в Мариенбаде», электронной и прочей «экспериментальной» музыки, сюрреализма во всех его проявлениях, и самой современной живописи и скульптуры, — особенно «религиозного» содержания — где люди представляются созданиями нечеловеческой или демонической природы, появившимися на свет из неведомой бездны. Таков же, надо сказать, был и мир Гитлера, чье царство представляет собой самое совершенное политическое воплощение идеологии абсурда.

Этот странный мир есть не что иное, как осязаемая «смерть Бога». Стоит отметить, что Ницше, впервые заявляя (устаами безумца в «Радостной мудрости») о «смерти Бога», описывает и саму атмосферу подобного искусства абсурда:

«Мы убили его (Бога), вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы это сделали? Как сумели мы выпить море? Кто дал нам губку, чтоб стереть горизонт? Что мы сделали, когда Земля оторвалась от Солнца? Куда она мчится теперь? Куда мчимся мы? Прочь ото всех Солнц? Не мечемся ли мы без конца? Взад-вперед, туда-сюда, во все стороны? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы в бесконечном небытии? Не дышит ли на нас пустота? Не становится ли все холоднее? Не сгущается ли ночь, все темней и темней?».

Такова, в самом деле, картина абсурдного мира, мира, где нет ни верха, ни низа, ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи, потому что нет больше общепринятой системы отсчета.

Учение о бессмертии

Иная, более личная форма откровения абсурда, содержится в отчаянном возгласе Ивана Карамазова: «Если бессмертия нет, то все позволено». Для некоторых это звучит как клич освобождения; но тому, кто всерьез думал о смерти, или имел случай сам глубоко прочувствовать неизбежность собственной смерти, лучше знать. В отличие от большинства гуманистов с их вечными уклончивыми рассуждениями, сторонник философии абсурда, хотя и отрицая бессмертие, признает центральное место этого вопроса. К нему можно относиться безразлично только если не стремишься к истине, или если это стремление заслонено чем-то повседневным и обманчивым — удовольствиями, работой, искусством, ученостью — всем тем, что мир с радостью принимает за истину. Весь смысл человеческой жизни зависит от истинности (или ложности) учения о бессмертии.

С точки зрения последователей идеологии абсурда это учение ложное. И потому их мир столь необычен: в нем нет надежды, в нем смерть — верховное божество. Апологеты абсурда, как и апологеты гуманистического стоицизма, видят здесь только «мужество», готовность жить не ожидая «утешения» в загробной жизни; они смотрят свысока на тех, кому требуется небесная «награда» за свои земные дела. По их мнению, нет нужды верить в рай и ад, чтобы «творить добро» в земной жизни. И это звучит вполне убедительно; многие, даже называя себя христианами, готовы отказаться от веры в вечную жизнь ради «экзистенциальной» веры в единый текущий миг.

Такой опаснейший самообман — не что иное, как одна из тысячи масок, за которой прячется лицо смерти: если бы смерть действительно означала конец, никто не смог бы противостоять ее ужасу. Достоевский был совершенно прав, давая бессмертию центральное место в своем христианском мировоззрении. Если земная жизнь человека неизбежно завершается небытием, то все дела его в полном смысле слова несущественны: они не приносят результатов. Тогда и разговоры о «жизни во всей ее полноте» лишаются основания и смысла. Совершенно справедливо, что «если бессмертия нет», то мир абсурден и «все позволено», иначе говоря, ничего и не стоит делать; смертный прах не только душит всякую радость, но и осушает всякие слезы — о чем, собственно, плакать? Такому миру и в самом деле лучше бы не стоять вовсе.

Ничто — ни любовь, ни добро, ни святость — не имеет ни ценности, ни даже смысла, если жизнь не продолжается за своими земными пределами. Тот, кто намеревается «творить добро» лишь в этих пределах, не понимает, что данная фраза пародирует христианское понятие о Добре, простирающемся в вечность. Только если мы бессмертны, и только если будущий мир таков, как Бог открыл Своему избранному народу, лишь тогда наши дела приобретают смысл и значение, потому что любой наш поступок есть доброе или злое семя, прорастающее уже в этой жизни, но не приносящее плодов вплоть до жизни будущей. Верящим, напротив, что добродетель начинается и кончается на земле, остается всего лишь шаг до тех, кто отрицает добродетель как таковую; о том, как просто сделать подобный шаг, красноречиво свидетельствует все наше столетие. Тем более, что это вполне логический шаг.

В известном смысле разочарование лучше, чем самообман. Само по себе разочарование может быть причиной самоубийства или безумия; но может оно привести и к отрезвлению. Пять с лишним сот лет Европа обманывает себя, стремясь к царству гуманизма, либерализма и будто бы христианских принципов, отходя в то же время все дальше и дальше от истины христианского вероучения. Этот путь привел к идеологии абсурда — прямому следствию попыток смазать и затмить христианскую истину, приспособить ее к новым, земным,

гуманистическим принципам. Идеология абсурда снова доказывает, что истина эта абсолютна и непреложна: если не она — то истины нет вообще. А ежели истины нет, ежели мы не должны принимать Христово учение безоговорочно и буквально, ежели Бог умер, ежели нет бессмертия, то существует только видимый нами мир, который абсурден, который есть ад.

Гуманизм и идеология абсурда

Таким образом, абсурдное миропонимание сложилось в результате некоторого прозрения: оно развивает гуманистическую и либеральную мысль в том направлении, которое гуманисты увидеть не смогли. Идеология абсурда — не просто случайный иррационализм, а плод европейской цивилизации, сотни лет сеявшей семена затмения и предательства Христовой правды.

Ошибкой будет, однако, вслед за апологетами абсурда преувеличивать значение данного факта и рассматривать эту идеологию, вместе с породившим ее нигилизмом, как некий поворот, или возврат к доселе забытым истинам, к более глубокому мировоззрению. Бесспорно, она лучше отражает отрицательные и злые стороны человеческой природы и самой жизни, но от этого мало проку по сравнению с теми фундаментальными заблуждениями, которые она разделяет с гуманизмом. Оба учения равно далеки от Бога, в Ком только и есть смысл мироздания; ни то, ни другое, соответственно, не имеет ничего общего с духовной жизнью и духовным опытом, которые происходят непосредственно от Самого Бога. Значит, ни тому, ни другому не ведомы истинные масштабы происходящего в мире и в душе человека, и оба, следовательно, разделяют крайне упрощенный взгляд на мир и в особенности на человеческую природу.

В принципе они не так уж далеки друг от друга: идеология абсурда по существу есть разочарованный, но не раскаявшийся гуманизм. Можно сказать, что наступила последняя фаза его диалектического развития в направлении от христианской истины, фаза, на которой гуманизм, следуя своей внутренней логике, и реализуя все последствия своего первоначального предательства этой истины, обращается в собственное отрицание и становится своим кошмарным двойником, гуманизмом наизнанку. Бесчеловечный абсурдный мир, — хоть он и может показаться нездешним и диким, — это все тот же одномерный мир гуманиста, который выглядит «таинственным» за счет разных трюков и самообмана; это пародия на реальный, истинный мир христианина, действительно таинственный мир, содержащий высоты и глубины, невысказанные ни в абсурдном, ни в гуманистическом контексте.

Если на интеллектуальном уровне эти две доктрины и различаются своими принципами и следствиями, то в более глубоком смысле они едины: в них воплощена одна и та же воля, воля к уничтожению христианского Бога и того порядка, который Он установил в мире. Такое утверждение может показаться странным, если проникнуться состраданием к «трагедии» нашего современника, и особенно если прислушаться к рассуждениям определенных апологетов абсурда о неких якобы научных «открытиях», о столетии войн и революций, вызвавшем вполне естественное разочарование, одним словом — о «духе века сего», который как будто исключает всякую философию, кроме философии абсурда. Мироздание, заявляют они, потеряло смысл, Бог умер, непонятно как и почему, и единственное, что нам остается — принять этот факт и смириться с ним. Однако более внимательные и информированные апологеты абсурда имеют иной взгляд на вещи. Бог не просто умер, говорит Ницше, это люди его убили; Ионеско же в своем эссе о Кафке отмечает, что «если у нас больше нет путеводной нити (в лабиринте жизни), значит, она нам больше не нужна. Отсюда наше ощущение вины, страха, абсурдности истории».

Действительно, неясное ощущение вины — это единственное, что напоминает современнику о его собственном участии в своей незавидной судьбе. Но на самом деле человек, конечно, причастен, и рассуждения о фатализме ничем не обоснованы. Современная наука здесь совершенно не при чем: сама по себе она не только не безразлична, но с необходимостью враждебна идее абсурда, и те, кто пытаются использовать ее для проповеди иррационализма,

попросту себя обманывают. То же можно сказать и о фаталистических выводах из тезиса о неизбежности подчинения человека «духу века сего»: он опровергается опытом любого христианина, достойного называться этим именем, потому что христианская жизнь не может быть ничем иным, как только борьбой против духа любого века, ради самой вечности.

Сторонник абсурда, оказывается, черпает свой фатализм не в знании, не в необходимости, но в слепой вере. Разумеется, он не сознается в этом: ведь вера свидетельствует против детерминизма. Есть у него, однако, и нечто другое, заложенное еще глубже веры, о чем он еще с меньшей охотой станет говорить. Речь идет о воле; ведь направление человеческой воли главным образом определяет его веру и основанное на ней мировоззрение. Христианину, располагающему согласованным учением о природе человека, и потому способному различать его сокровенные мотивы, видна та принципиальная ответственность, которую сторонник абсурда с его полным разочарования мировоззрением предпочитает отрицать. Он не пассивная «жертва» своего века или современного образа мыслей; он — активный, хоть подчас и растерянный, участник грандиозного восстания на Бога. Идеология абсурда — это, в первую очередь, вовсе не интеллектуальное течение, не чистый атеизм, не голое утверждение, что Бога нет (хотя она может принимать и такие формы), а волевой акт, анти-теизм (этот термин Прудон применял к своей программе, а Де Любак в «Драме атеистического гуманизма» видел в нем ключ к пониманию революционеров вообще), борьба против Бога и Божественного порядка вещей. Ее последователи этого не поймут: питаюсь самообманом, они не могут и не хотят мыслить логически. Никто (кроме самого Сатаны, родоначальника абсурда) не отвергнет Бога и не откажется от своего истинного счастья, вполне отдавая себе отчет в происходящем; но в сокровенной глубине души каждого из них лежит исконный отказ от Бога. Именно здесь — источник всего того абсурда и хаоса, которыми знаменуется нынешний век.

Если вам кажется, что те или иные явления абсурдного искусства, где усматривается отчаянная тревога и правдивое свидетельство о нашем безбожном мире, все же заслуживают доброго к себе отношения и сочувствия, давайте не будем забывать о том, до какой степени заодно это искусство с этим миром; не будем упускать из виду, что его успех, его способность задеть во многих чувствительную струну, объясняется его заблуждениями, неправдами, слепотой и извращенной волей, в равной мере присущими его предмету — нашему никчемному веку. Чтобы преодолеть абсурд, недостаточно, к сожалению, ни благих намерений, ни отчаянных страданий, ни высочайшего художественного «гения». Одна только правда ведет за пределы абсурда, а ее-то как раз и нет ни в современном искусстве, ни в мире; ее-то отвергают со всей решительностью и те, кто осознанно проповедуют абсурд, и те, кто бессознательно влачат абсурдную жизнь.

«Будете яко бози» ([Быт.3:5](#))

Подведем итог нашей диагностике абсурдного: это образ жизни и мировоззрение тех, кто не может или не желает более признавать Бога началом, целью и высшим смыслом жизни; кто, следовательно, не верит в Его Откровение во Иисусе Христе и отвергает Его вечное Царство, уготованное верующим и послушным Ему; и кому остается обвинять лишь самих себя за свое неверие. Но что же именно вызывает эту болезнь? Не говоря об исторических и психологических факторах, влияние которых в любом случае второстепенно, какова ее истинная, духовная причина? Если абсурдная идеология — такое великое зло, как нам представляется, то она никого к себе не привлечет: зло само по себе не имеет положительной ценности и обязательно должно маскироваться под видом добра. Если до сих пор мы описывали отрицательную сторону идеологии абсурда, безумный, хаотический мир нашего современника, обратимся теперь к положительной стороне и разберемся, во что верят и на что надеются ее последователи.

Ведь совершенно ясно, что им не нравится абсурдность мироздания; они признают ее, но не желают с ней мириться, и их искусство и философия сводятся, по существу, к попыткам ее преодолеть. Как сказал Ионеско (говоря, по-видимому, за всех), «обличать абсурд — значит утверждать возможность неабсурда», прибавляя, что он «постоянно ищет просвета, откровения». Эта атмосфера ожидания, которая отмечалась выше в некоторых произведениях абсурдного искусства, есть не что иное, как образ переживаний современника, одинокого и разочарованного, но все-таки не потерявшего надежды на что-то неясное, неизвестное, которое вдруг откроется ему и вернет его жизни и смысл, и цель. Даже в отчаянии мы не можем обойтись без хоть какой-то надежды, даже если «доказано», что надеяться не на что.

Но это означает, что небытие, предполагаемый центр абсурдного мира, уже не сама суть болезни, а всего лишь ее грозный симптом. Суть же — это вера в нечто, чего ждут, но точно не знают, что именно; это «Годо», неопределенный и неявный участник произведений абсурдного искусства; это таинственное нечто, которое способно снова дать жизни некий смысл.

И если современное искусство абсурда свидетельствует об этом достаточно туманно, то стоявшие у его истоков «предсказатели» Ницше и Достоевский выводят ясное следствие из откровения абсурда. «Все боги умерли», — говорит Заратустра, — «и мы хотим теперь, чтоб жил Сверхчеловек». Безумец у Ницше так говорит о богоубийстве: «Не слишком ли мы много на себя берем? Не нужно ли нам самим стать богами, просто чтоб это выглядело нам по плечу?» А Кириллов в «Бесах» знает, что «если нет Бога, то я Бог».

Обитатели рая поддались на соблазн змея «будете яко бози» ([Быт.3:5](#)), положив начало греху и всем бедам рода человеческого. С тех пор и до сих пор дьявол соблазняет нас одним и тем же идолом собственного «Я», которого Ницше называет Сверхчеловеком, а Достоевский — Человекобогом; если отказаться от истинного Бога, то остается служить только этому идолу. Нам дана свобода, чтобы сделать выбор между истинным Богом и самим собою, между путем истинного обожествления, на котором мы смиряем и распинаем себя в жизни сей, чтобы воскреснуть и возвыситься к Богу в вечности, и ложным путем самообожествления, ведущим к сиюминутному возвышению, а затем — в бездну.

В конечном итоге нам открыты лишь эти две возможности, которые дают начало двум царствам — Царству Божию и Царству Человеческому. В этой жизни лишь вера позволяет различить их, но в жизни будущей они разделятся как рай и преисподняя. Вполне понятно, куда относится современная цивилизация с ее прометеевской программой строительства земного царства наперекор Богу; этот вопрос, ясный и для мыслителей прошлого, у Ницше не оставляет

ни малейших сомнений. Заповедь «ты должен» устарела, говорит Заратустра; новая заповедь — «я хочу». И в сатанинской логике Кириллова «атрибут божества моего — Своеволие». Новая, еще не полностью раскрывшаяся религия идет на смену христианству, которому современность, как ей кажется, нанесла последний решающий удар: эта религия — целиком и полностью культ своего собственного «Я».

Такова цель идеологии абсурда, как и прочего бесполезного экспериментаторства. Абсурд — это всего лишь фаза современной прометеевской программы, когда появились колебания, сомнения и легкий привкус неминуемого дьявольского хаоса. Но если абсурдное мировоззрение включает в себя меньше самоуверенности и больше страха, нежели гуманизм, оно разделяет гуманистическую веру в истинность избранного нашей цивилизацией пути, и, несмотря на свои сомнения, сохраняет гуманистическую надежду — надежду не на Бога и Его Царство, а на человека и его Вавилонскую Башню.

Идеология абсурда и культ собственной личности

Гитлер с его верой в арийского Сверхчеловека дает нам крайний пример царства самопоклонения; другую крайность представляет коммунизм, где роль Сверхчеловека отведена коллективу, и самопоклонение выглядит как забота о ближнем. Но как фашизм, так и коммунизм, — чей фантастический успех можно призвать в свидетели, — это всего лишь крайние формы одной и той же идеологии, которую ныне исповедует весь мир, кроме, конечно, тех, кто открыто и безоговорочно принимает Христа и Его Правду. Разве не об этом говорит могучий порыв всех народов к «новой эре», когда переменится лицо земли и будет завоеван космос, когда наш мир, со времен грехопадения бывший уделом печали и слез, должен стать уделом счастья и радости, истинным раем на земле? Посмотрите: человек, освобожденный от Бога, в Которого он не верует даже исповедуя Его на словах, ставит себя на Его место, видит себя полновластным хозяином своей судьбы и творцом «нового мира», облекая свою веру в форму самодельной «новой религии», где гордость почитается вместо смирения, ученость вместо молитвы, укрощение природы вместо укрощения страстей, животный смех вместо слез покаяния.

К новому культу самопоклонения указывает путь идеология абсурда, пусть не всегда ставя это себе целью, но определенно приводя к такому результату. Герой абсурдного искусства заключен в себе самом, как в темнице, оторван от других людей, неспособен на человеческие чувства и отношения; в нем нет любви, в нем только ненависть, насилие, ужас и тоска, потому что, лишившись Бога, он лишается и всего, что есть в нем человеческого — образа Божия. И ожидаемое им откровение, которое должно избавить его от абсурда, никак не может быть христианским: единственное, с чем согласны все проповедники абсурда, это безусловный отказ от христианского ответа. Они способны принять только «новое» откровение. Один из персонажей пьесы Беккета говорит о богоподобном Годо: «Страшно интересно узнать, что он нам предложит. А тогда уж решим, согласиться нам, или нет». Если в христианстве, где все сверяется с Христом, прежняя личность с ее самоволием должна быть истреблена, и рождена новая, верная Христу и Его воле, то духовный космос «Годо» вращается именно вокруг прежней личности, и даже грядущее божество предстает здесь как некий коммивояжер, пытающийся сбыть свой товар избалованному самовлюбленному покупателю. Те, кто сегодня «в ожидании Годо», — который, возможно, равнозначен Антихристу, — надеются, что он успокоит им совесть и вернет самопоклонению вкус и смысл; иными словами, что он отменит наложенные Богом запреты и окончательно докажет их несостоятельность. Ницшеанский Сверхчеловек — это наш современник, утративший чувство вины в порыве воодушевления земным лжемистицизмом, культом земных богов.

Чем же все это окончится? Ницше и современные оптимисты видят впереди зарю нового времени, начало «истории, превосходящей любую историю прошлого». То же утверждает и коммунистическая доктрина; но коммунистическая перестройка мира не способна на большее, чем систематизированный абсурд бесперебойного, но бесцельного механизма. Достоевский, знавший истинного Бога, был ближе к действительности. Маниакальный двойник Заратустры, Кириллов должен покончить с собой, чтоб доказать, что он — Бог; Иван Карамазов, мучимый теми же идеями, кончает безумием, как, впрочем, и сам Ницше; Шигалев (в «Бесах»), первым разработавший совершенную общественную организацию человечества, находит необходимым обречь девять десятых на полное рабство, с тем чтобы дать одной десятой абсолютную свободу, что впоследствии и претворили в жизнь большевицкие и фашистские сверхчеловеки. Безумие, самоубийство, рабство, гибель и истребление — вот результаты заносчивой философии,

проповедующей смерть Бога и прихоть Сверхчеловека; недаром эти темы столь важны для искусства абсурда.

Многие соглашаются с Ионеско, что путь за пределы абсурда и нигилизма в некий новый мир смысла и порядка может быть найден через тщательное исследование нашего места в сегодняшнем абсурдном мире и новых возможностей, которые открываются перед нами; это общая надежда мировоззрений абсурда, гуманизма, а также и коммунизма, когда коммунизм сможет избавиться от иллюзий (если такое вообще возможно). Надежда эта неосновательная, но, в некотором смысле, реалистичная. Ведь Сатана, подобно обезьяне, повторяет Бога; и если абсолютное, Божественное согласие разрушено, и нет больше надежды, что Сам Бог восстановит его, то Сатана может предложить вполне привлекательное псевдо-согласие собственного производства.

Неудивительно, что серьезные и ответственные христианские мыслители нашего времени, не принимающие ни облегченного оптимизма, ни облегченного пессимизма, обращаются к учению, некогда повсеместно принятому на Западе, но почти забытому за последние несколько сот лет под воздействием философии просвещения и прогресса (ср. Джозеф Пипер «В конце времен»; Генрих Шлиер «Начальства и власть в Новом Завете»; и еще прежде них, кардинал Ньюман). Это учение об Антихристе, странном гуманистическом правителе мира в конце времен, который как будто бы вывернет наизнанку всю вселенную, представляя тьму светом, зло — добром, рабство — свободой и хаос — порядком; он воплощает всю философию абсурда и саму идею Человекобога, потому что он будет поклоняться только себе и называть себя Богом. Мы не можем, однако, идти здесь далее упоминания об этом учении и указания на его тесную связь с сатанинским хаосом философии абсурда.

Но что еще более существенно, чем историческая кульминация абсурда, будь то царство самого Антихриста или кого-то из его предшественников, так это его сверх-историческое следствие, а именно ад. Ведь абсурдная идеология есть не что иное, как вторжение ада в наш мир; она извещает нас о реальности, которой мы так упорно избегаем. Но те, кто пытаются уйти от этой реальности, только крепче привязываются к ней: в наш век, когда люди впервые перестали верить в ад, адский дух воплощен полней чем когда-либо.

Почему не верят в ад? Потому что не верят в Царство Небесное, не верят в жизнь и в Бога жизни, находят Божье творение абсурдным и думают, что лучше бы его не было. Старец Зосима в «Братьях Карамазовых» говорит о таких:

«О, есть и во аде пребывающие гордыми и свирепыми. . . Ибо сами прокляли себя, прокляв Бога и жизнь. Бога живого без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было Бога жизни, чтоб уничтожил Себя Бог, и все создание Свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти. . .»

Таковы, конечно, крайние нигилисты; но они отличаются не качественно, а только количественно от тех, в ком меньше ярости, в ком абсурд и проклятие не столь явственны, и даже от тех, кто, называя себя христианами, не стремится всем сердцем к Царствию Небесному, а если и думают о нем, то лишь как о тенистой обители покоя или сна. Ад становится ответом и результатом для всех, верящих в смерть вместо жизни, в сей мир вместо мира грядущего, в самого себя вместо Бога; для всех тех, одним словом, кто в глубине души принимает философию абсурда. В этом-то и состоит великая правда христианства, открытая Достоевскому и скрытая от Ницше, опровергающая и нигилизм, и абсурд: **ВСЕ СОГЛАСОВАНО И ОСМЫСЛЕННО, НИЧТО НЕ ИСЧЕЗАЕТ БЕЗ СЛЕДА.** Последнее и страшное доказательство тому дает адское пламя: всякая тварь, волей или неволей, свидетельствует об окончательном смысле бытия. Этот смысл в Божией любви, которая не исчезает даже в аду и терзает тех, кто ее отверг.

Сходным образом и абсурд представляет собой отрицательную сторону положительной реальности. Элемент бессмыслицы и хаоса безусловно присутствует в нашем мире, потому что весь мир рухнул при грехопадении; таким образом, философия абсурда базируется не исключительно на лжи, но на обманчивой полуправде. Но когда Камю определяет абсурд как результат столкновения потребности смысла в человеке и отсутствия смысла в мире, когда он рисует человека невинной жертвой и возлагает ответственность на мир, то он, подобно всем прочим проповедникам абсурда, раздувает частный факт до целого искаженного мировоззрения, и в слепоте своей приходит к полному отрицанию истины. Абсурд, по существу, это не внешнее, а внутреннее явление; не в мире, но в самом человеке исчезает смысл и согласие.

Однако если последователь абсурдной идеологии виноват в неспособности или даже в нежелании видеть правду, то христианин еще больше виноват тем, что не ведет осмысленную, праведную жизнь, жизнь во Христе. Отступления христиан от правды в мыслях, на словах и на деле открыли дорогу для триумфа абсурда, Сатаны и Антихриста. Нынешний век абсурда — справедливое воздаяние христианам, оставившим Христа.

Нужно снова стать христианами

И здесь, у истоков абсурда, мы находим единственное средство против него: нужно снова стать христианами. Камю был совершенно прав, утверждая, что «приходится выбирать между чудесами и абсурдом». В этом отношении христианство и абсурд в равной мере противостоят рационализму и гуманизму, ограничивающим действительность рамками доступного человеческому разуму. В самом деле, требуется выбрать между чудесным, христианским мировоззрением, которое в центре своем содержит Бога и ведет к вечному Царствию Небесному, и абсурдным, сатанинским мировоззрением, построенным вокруг собственной падшей личности и ведущим прямо в ад, как в этой жизни, так и в будущей.

Нужно снова стать христианами. Совершенно бесполезно, более того, абсурдно, говорить о каких бы то ни было общественных реформах, об изменении исторического пути, о преодолении века абсурда, если мы не имеем в сердце Христа; а если мы имеем в сердце Христа, все прочее уже второстепенно.

Возможно за веком абсурда откроется некий новый век; но вероятнее всего, — и христиане должны быть к этому готовы, — что не откроется, и наш век окажется в самом деле последним. И тогда, быть может, последнее и решающее свидетельство ему христиане принесут своей мученической кровью.

Но ведь это причина для радости, а никак не для отчаяния. Ибо христианин не надеется на этот мир и земные царства; его надежда совершенно абсурдна для них. Его надежда — Царствие Божие, еже несть от мира сего.

Когда мы приходим в наши святые православные храмы и славим Бога, как Он Сам научил нас славить Его — чем, скажите мне, восхищаться нам всего более? Тою ли ошеломляющей красотой и величием Божественной службы, тысячу лет назад настолько поразившею послов Святого Великого Князя Владимира, что они утратили различие земли от неба? Тем ли необъятным богатством и разнообразием богослужений, сравнимым лишь с бесконечной щедростью и неисчерпаемостью самой природы, в которых словно отражается щедрость Небесного Творца? Или же неизменно пребывающим в центре этого разнообразия изумительным порядком, благодаря которому православная служба обретает гармоничную целостность и возносит нас в единомудушном поклонении Богу?

Как же огорчительно, что столь немногие из православных христиан в полной мере проникаются смыслом и духом богослужений, которые, по мысли создавших их с Божьей помощью Святых Отцов, будучи для нас постоянным источником вдохновения, должны сохранять в нас искру спасительной православной веры и разжигать из нее великое пламя любви. Сколь немногие знают и любят Церковный Устав, который указывает правила и порядок церковных служб и, если мы умеем понять его, приводить в порядок сами сердца наши, указывает путь на Восток свыше, к Кому и зовет нас Церковь!

И как же вдвойне огорчительно за тех, кто, хоть и называет себя православными христианами, но возлагает вину за обычное в наши дни плачевное состояние Православной веры не столько на теплохладных верующих, отвергающих идеалы Устава, сколько на сам Устав, который, по их мнению, следует «пересмотреть» и «обновить».

* * *

Один из наиболее серьезных сторонников такого «пересмотра», о. Александр Шмеман, в своем «Письме Владыке»² Митрополиту Американскому Иринею выражает сожаление, что тот возвращает Митрополию³ к уровню «дореволюционной России», к «стандартным служебным книгам . . . Русской Православной Церкви».

В определенном смысле можно согласиться с возражениями о. Александра: как видно, Владыка имеет в виду не истинный возврат к живому и осознанному участию верующих в церковной службе, а просто сохранение элементарного порядка богослужений, согласно с церковно-славянскими богослужебными книгами, что необходимо в связи с охватившей Митрополию лихорадкой обновленчества.

О. Александр Шмеман убежден в том, что одним лишь внешним порядком делу не помочь: слишком глубок охвативший Митрополию кризис. Он утверждает, что ее «Финансовая несостоятельность лишь демонстрирует и отражает ее духовное состояние — разочарование и безразличие, . . . глубочайшее невежество в самых основах нашей веры». «Наша Церковь больна», — пишет он, — «болезнь охватила и богослужебную, и духовную сферу». Это горькое признание, неприменимое ко Христовой Церкви как таковой, по-видимому верно характеризует Митрополию и другие церковные группировки, далеко уклонившиеся от истинного Православия.

Митрополит Ириней призывает к хотя бы частичному сохранению богослужебной практики Русской Церкви: нескольких стихов вместо положенного по Уставу псалма, одного канона на воскресной утрени вместо предписанных трех или четырех, и так далее. На это о. Александр справедливо замечает, что с одной стороны этим нарушается Устав, а с другой — что прихожане Митрополии не видят смысла даже и в сокращенных службах. Следовательно, полагает он, Устав должен быть пересмотрен в свете наших знаний о его исторической

эволюции, о других богослужебных традициях, и тому подобного. Словом, церковную службу требуется приспособить ко вкусам духовно несостоятельных людей!

Отправляясь от бедственного положения дел, о. Александр только усугубляет его, предлагая принять новый Устав, то есть снизить уровень требований — которые следующим поколением прихожан Митрополии без сомнения будут тоже отвергнуты как излишне строгие и «лишенные смысла».

Сказанного довольно чтобы извлечь урок из духовного краха Американской Митрополии: причины его — в миролюбии, безразличии и глубоком невежестве. Стремящиеся же к истинному Православию, будь то в Русской Зарубежной Церкви, либо в другой, сходной с нею Церкви, обязаны помнить, что те же самые явления способны и нас сделать теплохладными, и вовсе лишить Божьей благодати.

* * *

Необходимо признать, что ни прихожане Американской Митрополии, ни ее предполагаемый реформатор о. Александр Шмеман, не имеют верного понятия о смысле Устава Церковной службы и о его назначении. Серьезное историческое исследование Устава отнюдь не привело бы нас к идеям его «пересмотра», а напротив, исполнило бы нас восхищения перед его согласованностью, глубиной и целесообразием. Именно к такому выводу приводит книга проф. Скабаллановича — одна из лучших работ на эту тему, которую сам о. Александр упоминает как особо ценную. Она убеждает читателя в великой мудрости Святых Отцов — создателей Устава.

Ошибка прихожан Митрополии — в невежестве и безразличии к Уставу; ошибка о. Александра Шмемана — в формальном и академическом отношении к нему, будто бы к системе произвольных правил и инструкций, которые надо слепо соблюдать или умело обходить — наподобие «Правил уличного движения». Но это вовсе не так!

Чтобы разобраться в истинном смысле Устава, надо понять, что он сам из себя представляет. Формально говоря, Устав — это книга предписаний о проведении богослужений и сочетании четырех циклов церковной жизни:

суточного цикла; восьминедельного цикла Осмогласника; годового цикла неподвижных праздников; подвижного цикла Пасхи и Великого Поста.

Но по сути Устав этим не ограничивается. Греческое его название «Типикон» можно перевести как «книга образцов», задача которой, по справедливому замечанию проф. Скабаллановича, «...нарисовать высокий идеал богослужения, который красотой своею вызывал бы всегдашнее невольное стремление к его осуществлению, в полной мере, быть может, и не всегда возможному, как и осуществление всякого идеала, следование всякому образцу. Таков, по существу, и весь закон Христов, неосуществимый вполне во всей его небесной высоте, но божественным величием своим возбуждающий неудержимое влечение в человечестве к его осуществлению, и через то животворящий мир»⁴.

Полное заглавие этой, столь важной для нас, книги — «Типикон сиесть Устав. Типикон, сиречь изображение церковного последования в Иерусалиме святые лавры преподобного и богоносного отца нашего Саввы. Тожде последование бывает и в прочих в Иерусалиме честных обителях, подобне и в прочих святых Божиих церквах».

Таким образом, Устав — это богослужебные правила обители Св. Саввы в Иерусалиме, которые были впоследствии приняты в качестве стандарта другими монастырями, а потом и всей Православной Церковью. Недаром именно монастырскому богослужению отводится роль стандарта: ведь именно монашество яснее всего выражает идеал Церкви. Состояние монашества всегда было и остается надежным индикатором положения дел во всей Церкви или в любой данной Поместной Церкви; и наоборот, по тому, насколько миряне стремятся следовать образцу монастырской службы, легко оценить богослужебную жизнь приходских церквей.

* * *

Богослужебный Устав — это наш идеал; и давайте не будем себя обманывать, что, дескать, у нас «все в порядке», если в канун праздника у вас всегда бывает всенощная, или на службе «все поют» (что и вправду полагается по уставу, как мы увидим ниже). Мир идет на нас войной, непрерывно, неутомимо, и с яростью, неслыханной в истории Церкви.

В Америке особенно ясно видно, как газеты, радио, телевидение, школы, музыка, реклама, мода — словом, все до единого средства воздействия на наши умы и вкусы — прямо или косвенно истребляют в людях православное мировоззрение, убеждают нас, что православная вера «фанатична», что она «не идет в ногу со временем», что нам остается только отбросить высокий идеал соединения, слияния всей нашей жизни со Святым Православием, и взамен как следует «приспособиться» к окружающему миру, «найти общий язык» с другими исповеданиями и мировоззрениями.

Против этого яростного наступления православный христианин обязан держать внимательную и крепкую оборону — иначе он и сам лишится своего Православия, и детей своих обречет на верную гибель. Ряд американских православных юрисдикций (лишь с большой натяжкой называемых «православными» — и Митрополия среди них еще далеко не в худшей форме!) — печальный пример для всех тех, кто не бьется за сохранение своей веры, а принимает ее как должное, будто бы называться православным уже достаточно, чтобы им быть. Совсем не так судит Спаситель наш Христос!

«Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям» ([Матф. 5:13](#))

Святые Отцы — создатели Устава — прекрасно знали об этой непрестанной битве за сохранение христианства в нас самих. Мы увидим сейчас, как православное богослужение благословляет нас на битву своим грозным оружием, оружием, вопреки распространенному мнению, самым практичным и действенным в современных условиях.

* * *

Ведущие архипастыри нашего столетия неоднократно призывали верующих возвратиться к подлинно православной уставной церковной службе: вспомним хотя бы Св. Новомученика Архиепископа Арсения Новгородского, блаженной памяти Архиепископа Иоанна Шанхайского (Максимовича) и настоятеля Св. -Троицкого монастыря в Джорданвилле Архиепископа Аверкия Сиракузского. Поучения этих истинно православных архиереев, в купе с основами православного богослужения, демонстрируют нам, последним на этой Земле христианам, сколь далека наша жизнь от нормы христианского благочестия, сколь тернист путь возврата к нормальной жизни. Но зато и сколь заманчив сей путь!

Давайте убедимся в том, что богослужение — это не только сокровище церковных догматов и душеполезных наставлений, но и, даже в большей мере, школа благочестия, где мы не только узнаем, но также и ощущаем свою жизнь и путь к спасению. Полное раскрытие этого незаменимого источника благочестия стало одной из задач сегодняшнего движения к истинному Православию.

Да будут же древние чинопоследования православных богослужений всегда напоминать нам идеал церковного Устава: придти в храм Божий со страхом, трепетом и великою радостью, и славить Господа, как Богоносные Отцы наши научили нас славить Его!

* * *

Дабы сохранить дух православного богослужения (или возвратиться к нему), недостаточно лишь противостоять бессмысленным реформам модернистов, которые на смену вдохновляющему образцу церковного Устава несут некий «современный минимум». Требуется еще ясно сознавать, какую цель преследовали Святые Отцы, когда они, руководимые Святым

Духом, создавали для нас Божественные службы.

Набраться формальных знаний — истории церковных служб, отличия греческого Устава от русского, и пр. — дело, прямо скажем, не самое важное: станешь первостатейным «уставщиком», да и только. Истинная же цель изучения Устава такова: духовная пища богослужения должна стать для верующих источником вечной жизни. По отношению к этой цели все прочее второстепенно.

В сегодняшнем отчаянном положении православные христиане не могут позволить себе просто «точное» следование церковному Уставу. Лучше уж допускать «неточности» и отступления, но, зная истинные уставные требования и честно отдавая себе отчет в своих слабостях, тем не менее молиться Богу и воспевать Его со всею любовью и искренностью.

Стало быть, «внешнее знание», содержащееся в данной статье, не предназначается для «уставщиков» и не дается поэтому в формальном виде. Систематическая информация о церковных службах изложена во многих руководствах и учебниках. Здесь же речь пойдет в основном о вдохновении верующих, о том, как идеал церковного Устава находит практическое применение в сегодняшней жизни.

* * *

Нет нужды идеализировать современную богослужебную практику Русской Зарубежной Церкви: наши архипастыри откровенно говорят о недостатках в повседневном богослужении и о потребности приблизить его к идеалу Устава. Так, Архиепископ Аверкий сделал ряд острых и конкретных замечаний в своем докладе о «внутренней миссии» Церкви, принятом Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви в 1962 году⁵:

«Чрезвычайно важно для успеха внутренней миссии привлечение по возможности всех молящихся к тому или иному деятельному участию в богослужении, дабы они не чувствовали себя только праздными зрителями или слушателями, приходя в церковь как в театр, «для того лишь, чтобы послушать красивое пение хора», исполняющего, как это теперь часто бывает, совершенно нецерковные, бравурные, театральные композиции. Совершенно необходимо восстановить древний, требуемый самим нашим Уставом обычай всенародного пения за богослужением . . . Стыдно православным верующим не знать своего дивного, ни с чем не сравнимого православного богослужения, а потому святой долг пастыря — знакомить своих пасомых с богослужением, что легче всего и может быть достигнуто путем привлечения к практическому участию в нем».

Далее в той же статье владыка Аверкий опровергает распространенное заблуждение о том, что православным христианам не разрешается совершать богослужение без участия священника — в результате чего верующие оказываются совершенно беспомощными и «лишенными молитвы» во все более и более обычной для наших дней ситуации, когда в приходе нет постоянного священника. На той же странице читаем:

«Ведь по нашему Уставу все богослужебные чинопоследования суточного круга, кроме, само собой разумеется, Божественной литургии и прочих таинств церковных, могут совершать и лица, не посвященные в иерейский сан. Это широко использовали в своей молитвенной практике все иноческие обители, скиты и пустынножители, среди которых не было иноков, облаченных в сан иерея, и до последнего времени наблюдалось это, например, на отличавшейся своим высоким народным благочестием Карпатской Руси, где, в случае болезни или отлучки священника, сами верующие, без священника, читали и пели и полунощницу, и утреню, и часы, и вечерню, и повечерие, а вместо Божественной литургии — обедницу.»

В этом никак нельзя видеть ничего предосудительного, ибо сами наши богослужебные книги предусматривают такую возможность в такого рода, например, часто встречающемся указании: «Аще иерей глаголет: Благословен Бог наш, аще ли ни глаголи умиленно: Молитвами

Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Аминь». И дальше следует все богослужбное чинопоследование полностью, кроме, конечно, ектиний и священнических возгласов. Великая, сугубая и просительная ектинии заменяются при этом чтением 12 раз подряд «Господи, помилуй», а малая ектиния — троекратным чтением «Господи, помилуй».

Общественная молитва, как ни что другое, крепко объединяет молящихся. Итак, во всех тех приходах, где нет постоянного священника, совершенно необходимо не просто допускать, но действительно рекомендовать верующим, дабы они собирались по воскресным и праздничным дням в церкви, а где нет церкви, то в домах, для совместного совершения таких общественных молитв, в соответствии с установленным чинопоследованием».

Такой нормальный церковный обычай (как и многое другое из лучших традиций Православия) стал ныне настолько в редкость, что принимается многими за новость. Тем не менее, он принят в ряде приходов Русской Зарубежной Церкви и в некоторых частных домах. Он нуждается в распространении и укреплении, будь то в приходах, по той или иной причине не имеющих священника, или в группах верующих, не оформленных еще в приход, или в семьях, лишенных возможности добраться до церкви по воскресным и праздничным дням.

Именно этот обычай позволяет поддерживать богослужбную жизнь в отдаленных уголках русского рассеяния, вне пределов досягаемости ближайшего православного храма, а также и среди истинно православных христиан, как в США, так и в других странах, отдающих себе отчет в невозможности молитвенного общения с отступническими группировками, православными лишь по названию.

* * *

Богослужбные навыки желательно перенимать у тех, кто сам совершает богослужения согласно с церковной традицией и Уставом. Но если таких людей и не найдется, каждый верующий, при невозможности быть в Церкви, с большой пользой для себя может читать некоторые службы в добавок к обычным утренним и вечерним молитвам, а именно:

часы (1-й, 3-й, и 6-й — в первую, 9-й — во вторую половину дня), которые, за исключением тропаря и кондака, остаются неизменными изо дня в день; стихиры Великих праздников (в соответствующие дни); псалмы, предписанные на данный день.

В приходских церквях дореволюционной России вечерня с утреней, полунощница, повечерие и часы служились строго ежедневно, что и представляет собою норму православной жизни. С этой нормой надлежит соотносить нашу сегодняшнюю практику.

Богослужения по воскресеньям, праздникам и накануне этих дней — вот тот минимум, без которого церковная жизнь невозможна, и православное благочестие не способно утвердиться и сохраниться. Дни эти нужно проводить соответствующим образом. Еще остаются отдельные приходы и семьи, где по воскресеньям регулярно поется акафист, но старинный благочестивый русский обычай собираться вечером в праздник для «псалмопения» уже исчез в повседневном водвороте.

А кто из нас соблюдает кануны праздников, неуклонно посвящая их всеобщему бдению (или вечерне) и молитве, а не мирским развлечениям? Блаженной памяти Владыка Иоанн Сан-Францисский (Максимович) никогда не допускал до участия в воскресном богослужении никого, кто бы развлекался в субботу вечером (даже побывав перед этим в церкви, словно «для исполнения долга!»). И как же горько было тем русским, что собрались отмечать праздник Хэллоуин в 1964 году, накануне прославления Св. Иоанна Кронштадтского, когда Владыка Иоанн появился на праздничном балу, и строгим, безмолвным своим взглядом обличил их безверие!

* * *

Факт нашего отхода от идеала (то есть, от нормы) православной жизни должен быть поводом не для уныния, но для настойчивого стремления к этому идеалу, насколько это возможно в условиях всячески отвлекающей нас современной жизни. И, прежде всего, нужно понять, что идеал этот вполне достижим и не требует от нас ни сверхестественных усилий, ни какого-то особо возвышенно «духовного» состояния, без которого якобы нельзя и начинать славить Господа.

В самом деле, одним из препятствий распространения православных служб суточного круга в повседневной жизни является ошибочный дуализм, закравшийся в православное мировоззрение, а именно, что Православие есть нечто абстрактно «духовное», а в жизни православные христиане «такие же как все». На самом же деле, напротив, Святые Отцы со всею ясностью учат нас, что истинный христианин отличен от всех остальных как внешне, так и внутренне, причем одно выражается через другое. Так Св. Макарий Великий поучает:

«У христиан — свой мир, свой образ жизни, и ум, и слово, и деятельность свои; инаковы же и образ жизни, и ум, и слово, и деятельность у людей мира сего. Иное — христиане, оное — миролюбцы; между теми и другими расстояние велико . . . Поелику ум и разумение христиан всегда заняты мудрствованием о небесном, по общению и причастию Св. Духа созерцают вечные блага; поелику рождены они свыше от Бога, в самой действительности и силе сподобились стать чадами Божиими . . . Обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесною приверженностью ко Господу от всех людей в мире отличается новая тварь — Христианин . . . У христиан другой есть мир, иная трапеза, иные одеяния, иное наслаждение, иное общение, иной образ мыслей, почему и лучше они всех людей»⁶.

Давайте сопоставим свою жизнь с этими стандартами Православия:

В самом ли деле имеем мы иную трапезу и иные одеяния, чем этот мир наглого непотребства и чревоугодия? Иные ли у нас дела и слова, образы жизни и молитвы? Если нет — то наверняка и духовно мы не отличаемся от миролюбцев. Отличны ли наши праздники по смыслу от праздников людей мира сего? Посвящаем ли мы их неуклонно Богу и Его славословиям, житиям Его Святых и писаниям Боговдохновенных Отцов? Уделяем ли мы часть каждого дня, по мере наших сил и времени, молитвенному подвигу, следуя данному Богом суточному кругу богослужений и освобождая себя от тяжкого бремени современной мирской жизни?

Можно ли спастись без такого подвига? Св. Макарий Великий отвечает:

«Весьма многие из людей хотят сподобиться Царствия Небесного без трудов, без подвигов, без пролития пота; но сие — невозможно».

Великие подвиги недостижимы для живущих в мире и связанных мирскими заботами. Сколь же важно для нас воспользоваться возможностью благодатного и вдохновляющего подвига, которую Церковь предоставляет для наших ищущих душ — дневным циклом церковных служб. Даже небольшое, но регулярное участие в нем способно сделать христианина поистине отличным от других и открыть ему доселе неведомый мир мыслей и чувств — земную жизнь Христовой Церкви.

Примечания

Настоящая статья основана на материале незавершенной книги о. Серафима «Царство Божие и Царство Человеческое.»

Св. -Владимирский Богословский Ежеквартальник (англ.) 1973, т. 3, с. 221—238.

ныне — Автокефальную Американскую Православную Церковь — пер.

М.Скабалланович. Толковый Типикон. Киев, 1913, т. 2, с. 2—3.

Архиепископ Аверкий. Истинное Православие и современный мир. Джорданвилл, 1971, с. 202.

Преподобного Отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова. Св. -
Троицкая Сергиева Лавра, 1904. Беседа 5, с. 40—58.